

ДРЕВНИЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЕГИПЕТ

DOI: 10.31857/S086919080001848-9

ЕГИПЕТСКИЕ МОТИВЫ В ДЕКОРЕ КЕРАМИКИ МЕРОЭ:
ПРОБЛЕМА МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЛИЯНИЙ
В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ

© 2018

С. Е. МАЛЫХ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2077-7285>
malyh2002@mail.ru

Резюме: Керамика древнесуданской цивилизации Мероэ (вторая половина VI в. до н.э. – середина IV в. н.э.) занимает особое место в мировой материальной и художественной культуре. Причина этого кроется прежде всего в характере декора мероитской керамики, выделяющего ее из группы гончарных изделий других древних цивилизаций. В орнаментации многих вещей встречаются хорошо известные египетские мотивы, заставлявшие исследователей видеть в этом подавляющее влияние цивилизации Древнего Египта. Данная статья посвящена выделению египетских мотивов в декоре керамики Мероэ и установлению степени воздействия Древнего Египта на мероитское гончарство и художественную культуру этой цивилизации.

Ключевые слова: Древний Судан, Нубия, Мероэ, Абу Эртейла, мероитская керамика, египетское влияние, египетско-эллинистический синкретизм.

Для цитирования: Малых С.Е. Египетские мотивы в декоре керамики Мероэ: проблема межкультурных влияний в материальной культуре древних обществ. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 37–55. DOI: 10.31857/S086919080001848-9

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-01-50044 «Мероитское гончарство: нубийские традиции и египетское влияние».

EGYPTIAN MOTIFS IN THE CERAMIC DECORATION OF MEROE

Svetlana E. MALYKH

Institute of Oriental Studies, Moscow
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2077-7285>
E-mail: malyh2002@mail.ru

Abstract: The ancient Sudanese civilization of Meroe existed from the second half of the sixth century BCE to the middle fourth century CE. Decoration of the Meroitic pottery distinguishes it from the ceramics of other ancient civilizations. Well-known Egyptian motifs were used for the ornamentation of Meroitic wares. The article concerns the allocation of Egyptian motifs in the pottery of Meroe. It aims to establish the influence of Ancient Egypt on the Meroitic pottery and art culture. Despite a distinct relationship between the Meroitic arts and the ancient Egyptian civilization, the address to the Egyptian samples was not their exact copying. Meroitic craftsmen took the Egyptian forms and symbols as a basis, reinterpreted them within local traditions and used the Egyptian and Hellenistic bases as well as the achievements of their Nubian ancestors. Meroitic potters acquainted with the monuments of Egypt and the Greek-Roman World took on various features and displayed a special fusion of artistic ideas embodied in the decoration

of ceramics of Meroe. In these decorations, on the one hand, there are Egyptian and Hellenistic themes, technical methods and ceramic shapes characteristic for the pottery of Late and Ptolemaic Egypt, ancient Greece and Rome. On the other hand, the ceramic products turned original and recognizable, vividly illustrating the material and artistic culture of the Meroitic civilization.

Keywords: Ancient Sudan, Nubia, Meroe, Abu Erteila, Meroitic pottery, Egyptian influence, Egyptian-Hellenistic syncretism.

For citation: Malykh S.E. Egyptian Motifs in the Ceramic Decoration of Meroe: The problem of Intercivilizational Influence in the Material Culture of Ancient Societies. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 37–55. DOI: 10.31857/S086919080001848-9

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the grant no. 16-01-50044-OGN (“Meroitic pottery: Nubian traditions and Egyptian influence”) of the Russian Foundation for Basic Research.

В декоре керамических изделий царства Мероэ, занимавшего основную часть современной Республики Судан и существовавшего со второй половины VI в. до н.э. до середины IV в. н.э., можно выделить несколько художественных стилей – нубийский (или «африканский») [Adams, 1964, p. 169; Edwards, 2014, p. 60], присущий в основном лепным изделиям¹; эллинистический, имеющий многочисленные параллели в греческой керамике IV–I вв. до н.э. и повлиявший на оформление гончарных изделий не только Мероэ², но всего Средиземноморского региона, включая Египет; и так называемый классический мероитский стиль, нередко использовавший египетские художественные мотивы и символику. О последнем, охарактеризованном У.Ю. Адамсом как «кульминация развития мероитской керамики» [Adams, 1964, p. 144], и пойдет речь в данной статье.

ЕГИПЕТСКИЕ МОТИВЫ В ДЕКОРЕ КЕРАМИКИ МЕРОЭ

Среди группы круговой керамики Мероэ декорированы как небольшие сосуды – чаши, кубки, отличающиеся высоким качеством формовки и тонкой светлой каолиновой глиной, так и крупные формы – шарообразные и продолговатые кувшины из более грубой глины речного или пустынного происхождения. Однако основная часть кухонной утвари и тара для хранения чаще всего оставались без художественного оформления.

В мероитской керамике следует выделять два основных способа нанесения декора – использование серии штампов и роспись до обжига. Нередко для украшения сосудов использовались одновременно обе техники.

Декор в виде серии оттисков (рис. 1, 2) наносился на внешнюю поверхность тонкостенных чаш, кубков и кувшинов с помощью костяных или деревянных приспособлений-штампов. Многие из таких сосудов были сделаны из светложгущейся каолиновой глины, добывавшейся поблизости от столицы – города Мероэ [Robertson, Hill, 2004, p. 114; Wolf S. et al., 2011, S. 240; Wolf P. et al., 2014, p. 732], а на закате царства – и из более грубой пустынной глины³. На венчиках и туловах оттискивались изображения геометрические – ромбы, треугольники, овалы, капли и символические – равноконечные

¹ Такая утварь, производимая в домашних хозяйствах, показывает устойчивость и традиционализм форм и декора, а используемые художественные элементы встречаются уже на неолитической керамике Судана и изделиях культуры Керма (середина 3-го – середина 2-го тыс. до н.э.) [Chittick, 1955, p. 77, fig. 3; Bourriau, 1981, p. 97–102; Gratien, 2000, p. 113–125; Otto, 1963, p. 109–114, fig. 1–4, pl. XX–XXI].

² У.Ю. Адамс говорит о средиземноморской гончарной традиции и влиянии греко-римской керамики на мероитскую, главным образом через Птолемеевский и Римский Египет [Adams, 1964, p. 144–145, 169, 171].

³ Например, тонкостенные кубки из глины-*vadi*, обнаруженные Российско-итальянской экспедицией в Абу Эртейле. Также см. [David, Evina, 2016, p. 113].

кресты, свастики, а также знаки, имеющие параллели в древнеегипетской иероглифике – знак-анх , узел-са , знак-хекер , глаз бога Хора *уджат* , солнечный диск (иногда фланкированный урея), лунный серп (а также совмещение с солнечным диском), анх на лунном серпе, корона-хену , корона-атеф , корона-хемхем , хаторическая корона (иногда на прямоугольном жертвеннике), богиня Маат , богиня Исида, увенчанная хаторической короной , бог Бес , кобра-урей , урей, увенчанный солнечным диском или короной-хену , ибис в короне-атеф , гусь , голова льва в короне-хемхем, голова барана в короне-хену, жук-скарабей , лягушка (иногда с солнечным диском на голове), бутон лотоса , четырехлепестковое соцветие , цветочные розетки и ⁴.

Для украшения сосуда обычно применялся один вид штампа, но изредка – сразу несколько видов, как, например, на сосуде из Миссиминии [Baud, 2010, p. 106, fig. 123], где можно увидеть ряды равноконечных крестов, знаков-анх и лягушек. Оттиснутый декор мог дополняться росписью: знаки располагались в разлинованных коричневой или красной краской ячейках или дополнялись нарисованными символами (листьями, символами-анх и т.д. – например, на кубках AE11/I-R11/4, AE13/II-R6/1 из Абу Эртейлы ⁵ (рис. 1) и Мероэ [Baud, 2010, p. 110, fig. 130]).

Основная часть сосудов, декорированных штампами, происходит из столичной области – города Мероэ [Robertson, Hill, 2004, pl. VIIId], царского некрополя, расположенного по соседству – в Бегравии [Garstang, 1911, pl. XLVIII, XLIX; Dunham, 1963, p. 339, fig. C/25.22-2-315], а также пригородов: из поселений Хамадаб [Dittrich, 2003, S. 84–87, Abb. 5–7, 11; Wolf, Nowotnick, 2006, p. 271, fig. B; Wolf et al., 2008, S. 197, Abb. 51] и Мувейс [Baud, 2010, p. 88, fig. 98], храмовых комплексов в Абу Эртейле (рис. 1), Вад бан Нара [Zach, 1988, S. 130] и Мусавварат эс-Суфре [Hintze, 1993, S. 296, Abb. 251–252; Edwards, 1999, p. 28–31, 38–39, pl. X–XI; Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 63, Abb. 36], из некрополей Габати (рис. 2) [Edwards, 1998, p. 45, 162, fig. 2.19 (№9403), 6.16, pl. 32] и Бербер [Bashir, David, 2011, p. 123, fig. 3.4; Bashir, 2014, p. 806, pl. 1]. Крайняя южная граница ареала на данный момент определена поселением Абу Гейли на Голубом Ниле (около 280 км к юго-востоку от современного Хартума), что совпадает с южной границей влияния царства Мероэ.

Гончарные изделия этого вида найдены и севернее, как в районе прежней столицы – Напаты (Гебель-Баркал) [Bąkowska-Czerner, 2015, p. 67, pl. I.1], так и ниже по течению Нила (на поселении Селиб (рис. 2) [Phillips, 2003, p. 403, pl. 21; Bagińska, 2015, p. 249–250, fig. 1; Cedro, 2016, p. 382, fig. 25H], в некрополях на острове Саи [Geus, 2003, p. 69, fig. 5a] и в Семне [Vercoutter, 1966, p. 130–131, pl. VIIc]), вплоть до района между 1-м и 2-м нильскими порогами (главным образом в некрополях Фарас [Baud, 2010, p. 110, fig. 129–130] и Караног [Zach, 1988, S. 130]). Таким образом, ареал мероитской керамики со штампованным орнаментом на севере включает ныне затопленные водами озера Насер территории вплоть до Караного (около 60 км к северо-востоку от Абу-Симбела).

⁴ Сводную информацию по знакам-штампам на мероитской керамике см.: [Adams, 1964, p. 143, 146–147, fig. 9; Hofmann, Tomandl, 1986, S. 57, Abb. 64–65; Zach, 1988, S. 121–137, Abb. 1–12; Zach, 1989, S. 179, 181, Abb. 2–4].

⁵ Подробнее о работах в Абу Эртейле см. [Кормышева, Малых, Фантусати, 2014, с. 121–141].

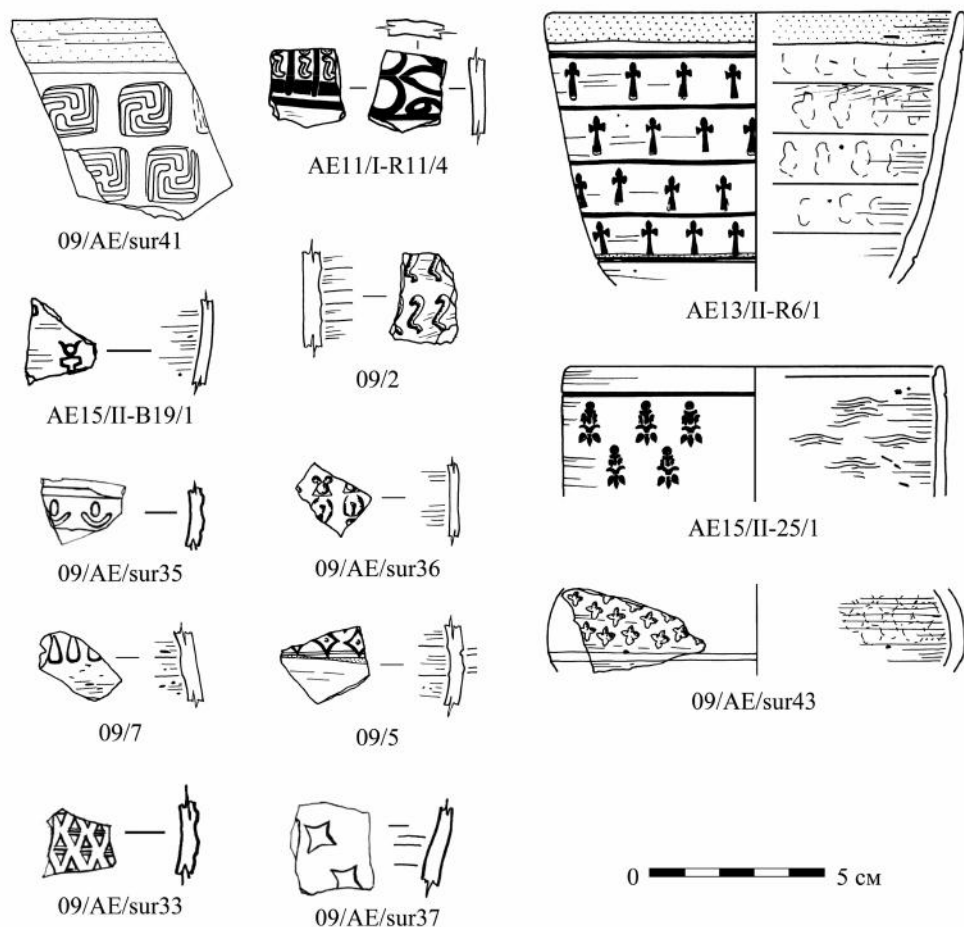

Рис. 1. Мероитская керамика с орнаментами-штампами из храмового комплекса в Абу Эртейле (рис. автора)

Эта разновидность мероитской керамики в основном датирована интервалом от I до III в. н.э. [Zach, 1988, S. 142; Baud, 2010, p. 88, 110], однако Л. Торок допускал ее более раннее появление на рубеже I в. до н.э. и I в. н.э. [Török, 1987, p. 82]. Наиболее поздние сосуды со штампами первой половины – середины IV в. н.э., найденные в районе 4-го порога Нила [El-Tayeb, 2013, p. 89, fig. 30], демонстрируют явный упадок: оттиски плохо продавлены, сюжет неясен.

Группа расписной керамики Мероитского периода с египетской символикой (рис. 3–5) имеет тот же ареал и датировку I–III вв. н.э. [Bourghia, 1981, p. 105–110; Edwards, 1999, p. 40], что и штампованная керамика, несмотря на иной способ оформления: пигменты красного, оранжевого, коричневого, черного и белого цвета наносились на поверхность сосудов до обжига. В орнаментации сосуда мог использоваться как один пигмент (например, на продолговатом кувшине из Абу Эртейлы белой краской нарисованы бабочки и виноградные гроздья [Малых, 2017, с. 33–34, рис. 5]), так и вся палитра красно-коричневых оттенков, заполнявших коричневый или черный контур изображений.

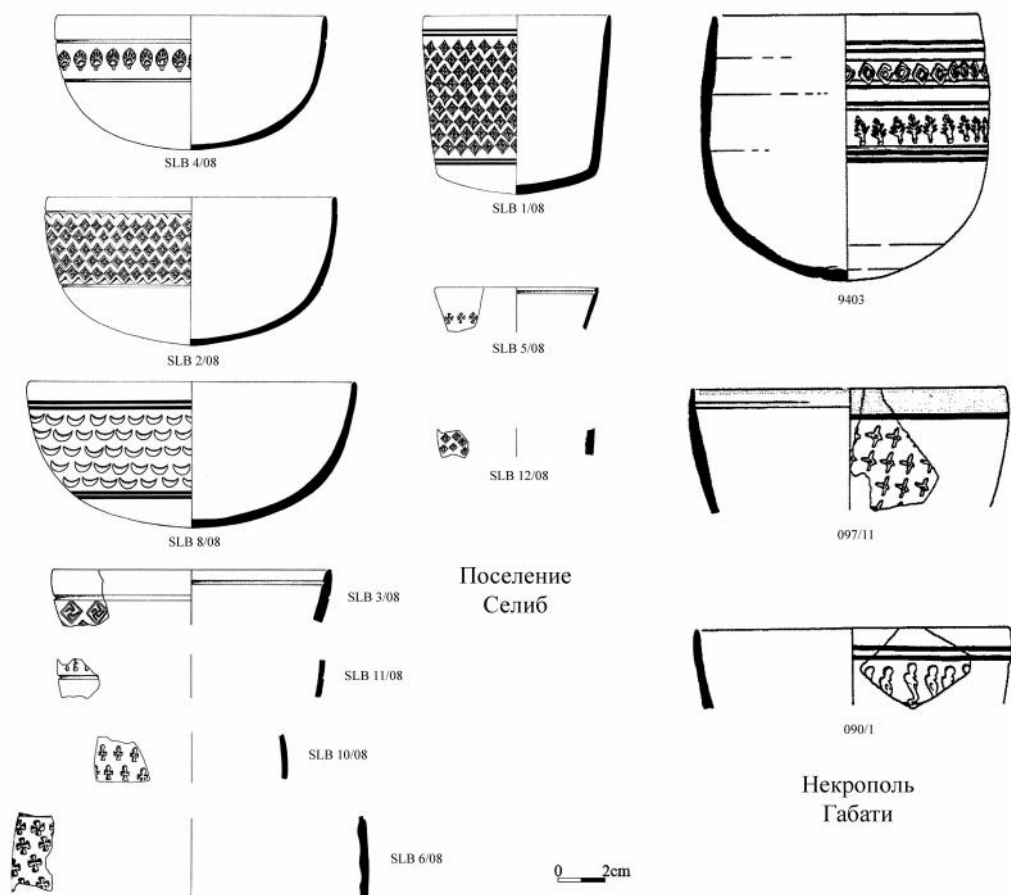

Рис. 2. Мeroитская керамика с орнаментами-штампами из поселения Селиб и некрополя Габати
 Источник: [Bagińska, 2015, fig. 1; Edwards, 1998, fig. 6.16]

Однако, несмотря на общее совпадение границ распространения обеих групп гончарных изделий, мероитская расписная керамика найдена на большем числе памятников и в большем количестве по сравнению с сосудами с отиснутым декором. Возможно, наличие ограниченного количества штампов уменьшало возможности повсеместного и массового изготовления такой керамики.

Наибольшее число расписной керамики найдено в столичном регионе – в городе Мероэ [Wenig, 1979, p. 410, pl. XIX.2; Baud, 2010, p. 107–108, 206, fig. 124–125, 272; Robertson, Hill, 2004, pl. II–III, VII–IX] и его некрополе [Garstang, 1911, p. 43–46, pl. XLII.1, XLVII, XLXVIII]; в поселениях Хамадаб [Dittrich, 2003, S. 87, Abb. 10] и Мувейс [Baud, 2010, p. 112, fig. 134]; в храмовых комплексах Абу Эртейлы (рис. 5), эль-Хасы [David, Evina, 2015, p. 55, fig. 5] и Мусавварат эс-Суфры [Edwards, 1999, p. 21, 26–39, pl. III, IX, XI–XIII; Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 63, Abb. 34.8]; в некрополях Габати [Edwards, 1998, p. 50, 163, fig. 2.21 (№12305), 6.17, pl. 31] и Бербер [Bashir, David, 2011, p. 123, fig. 1.2; Bashir, 2014, p. 806–807, pl. 2–5; David, Evina, 2015, p. 49, fig. 1].

Южная граница ареала определяется находками расписной мероитской керамики в Сеннаре и Абу Гейли на Голубом Ниле [Crawford, Addison, 1951, pl. XLa; Brass, Schwenniger, 2013, p. 13], что совпадает с границей бытования мероитской штампованной керамики.

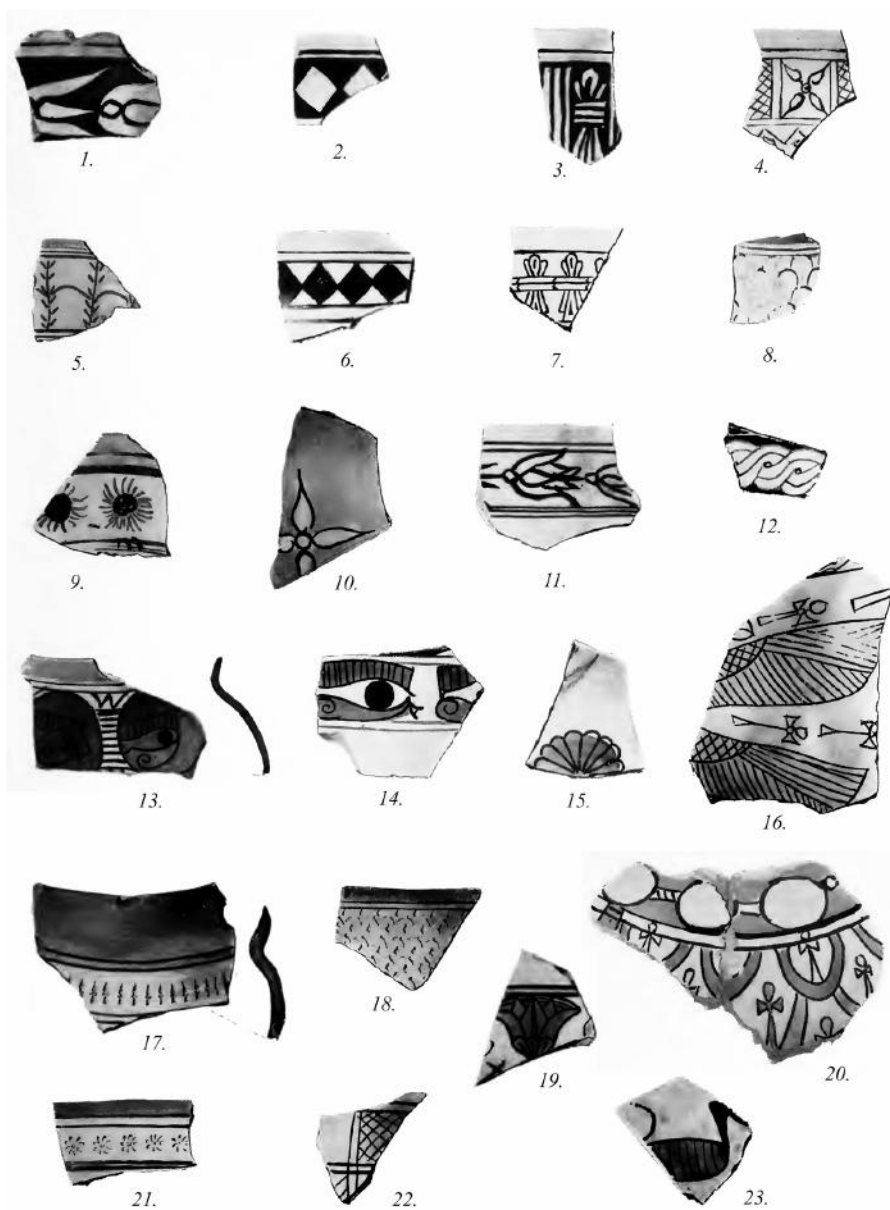

Рис. 3. Фрагменты расписной и штампованной керамики из Бегравии – некрополя Мероз.
Источник: [Garstang, 1911, pl. XLIX, L, LI]

Расписная керамика представлена в некрополях и поселениях на месте бывших региональных центров – в Керме [Baud, 2010, p. 83, fig. 91] и Напате [Ciampini, Bąkowska-Czerner, 2014, p. 697–700; Bąkowska-Czerner, 2015, p. 66–69, pl. I–II], а также на обширной территории между 1-м и 4-м порогами Нила, включая поселения Селиб [Bagińska, 2015, p. 249–251, fig. 3] и Седеингу [Kormysheva, Idriss, 2006, p. 265–266, № 274–275, pl. 15; Baud, 2010, p. 108, fig. 127; David, Evina, 2015, p. 53, fig. 5], многочисленные мероитские некрополи на острове Саи [Geus, 2003, p. 70, fig. 5b, pl. Va], в Семне [Kormysheva, Idriss, 2006, p. 248, №251], Гаминarti [Kormysheva, Idriss, 2006, p. 244–245, № 246, pl. 14], Аргине [Almagro, Presedo, Pellicer, 1963, p. 182, fig. 4, pl. XLXIIa], Муршиде [Kormysheva, Idriss, 2006, p. 247–248, № 250], Матуге [Kormysheva, Idriss, 2006, p. 245, № 247], Фараце [Arnold, 1978, S. 256–257; Bourriau, 1981, p. 105–109; Kormysheva, Idriss, 2006, p. 235–238, № 235–237, 239, pl. 13–14; Baud, 2010, p. 106, 109, 185, fig. 122, 128, 235], Баллане [Williams, 1991, p. 201, 425, fig. 4c, 273b] и Караногере [Baud, 2010, p. 76, 207, fig. 77, 273]. Последний на данный момент является крайней северной точкой ареала мероитской расписной керамики.

Выше говорилось, что мероитская расписная керамика с египетской символикой бытовала одновременно с изделиями, декорированными штампами – с I по III в. н.э. Им предшествовали сосуды III–I вв. до н.э., схожие по форме, но декорированные в основном геометрическими орнаментами – волнами, полосами, а также цветочными розетками [Fernández, 1984, p. 64, pl. V, fig. 6–8; Edwards, 1998, p. 142–144, fig. 6.1–6.11]. Наиболее поздние сосуды, расписанные с использованием древнеегипетской символики, относятся к IV в. н.э. и немногочисленны. Особенно примечателен кувшин из погребения в Каср Ибриме [Bourriau, 1981, p. 110, fig. 220], демонстрирующий необычайно близкое к египетскому оригиналу воспроизведение священного символа *уджат* – глаза бога Хора, что не характерно для позднемероитской керамики.

Египетские сюжеты, встречающиеся на расписной керамике Мероэ, более многообразны, чем применяемые в это же время штампы, набор которых фактически ограничен геометрическими формами и знаками религиозного характера. Но в целом наблюдается общее сходство в сюжетной линии оформления рассматриваемых гончарных изделий.

Наиболее часто для росписи сосудов мероитские гончары использовали египетскую символику – знак-*анх*, узел-*са*, диск, лунный серп, прямоугольный жертвенник, хаторическую корону, глаз-*уджат* (рис. 3.3, 3.7, 3.13, 3.14, 3.16, 3.17, 3.20; 4.5; 5). Они могли дополняться геометрическими орнаментами (линиями, волнами, ромбами, рис. 3.2, 3.6, 3.8, 3.12), а также более сложными сюжетами, включая растительные, зооморфные, антропоморфные и мифологические мотивы (рис. 4). Среди растительных сюжетов доминируют изображения цветов и бутонов лотоса, цветочных розеток и четырехлепестковых соцветий (рис. 3.1, 3.4, 3.10, 3.11, 3.15, 3.19; 4.4; 5), реже – ростков папируса, но встречаются изображения местного злака – сорго (дурры). Зооморфные мотивы ограничены представителями африканской фауны (рис. 4.2, 4.7): павианами, зайцами, жирафами, волами, львами, гиенами, различными видами птиц (гусь, трясогузка, цесарка, ворон, коршун, ибис, страус), крокодилами, лягушками, кобрами (нередко с солнечным диском на голове, рис. 4.2) и другими видами змей, скорпионами. Спорадически на мероитской керамике можно увидеть изображения мифических существ – грифонов (чаша BM 51615 из собрания Британского музея), крылатых уреев.

Использование антропоморфных изображений достаточно редко и в основном имеет религиозную направленность, например анфасное лицо богини Хатхор с коровьими

ушами; фигура крылатой богини (рис. 3.16); львица, терзающая нубийца (рис. 4.8); нубийские танцоры или сатиры с музыкальными инструментами и кувшинами (рис. 4.1).

1.

Кубок из города Мероз

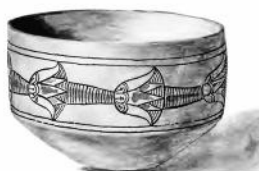

2.

Кубок из города Мероз

3.

Шарообразный кувшин
из некрополя в Фарасе

4.

Чаша из некрополя Мероз

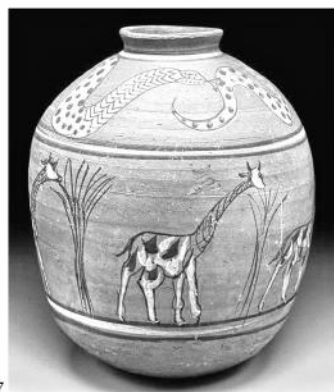
5.

Чаша из некрополя Мероз

6.

Чаша из некрополя в Габати

7.

Продолговатый кувшин
из некрополя в Караног

8.

Шарообразный сосуд
из некрополя в Фарасе

9.

Фигурный сосуд
из некрополя в Фарасе

Рис. 4. Мероитская расписная керамика из Мероз, Фараса, Габати и Караного.

Источники: [Garstang, 1911, pl. XLVII; Bourriau, 1981, fig. 209, 216; Edwards, 1998, fig. 6.17; Baud, 2010, fig. 77; Evina, 2010, fig. 124; Sackho-Autissier, 2010a, fig. 235; Sackho-Autissier, 2010b, fig. 272]

Попытки мероитских мастеров изобразить животное или человека анфас остаются неудачными (рис. 4.1) и выдают неумение работать с такого рода изображениями, что имеет отчетливые параллели в древнеегипетской художественной культуре⁶. Представители фауны, а также мифические животные в подавляющем большинстве показаны в профиль, что роднит их с изображениями на египетских памятниках. Это же касается и неумения изображать предметы в перспективе. На кубке из некрополя в Муршиде [Kormysheva, Idriss, 2006, p. 247–248, № 250] мероитский мастер сделал попытку показать змею, извивающуюся в нильских зарослях, однако плоскостная художественная манера, столь знакомая нам по древнеегипетским памятникам, привела к тому, что тело змеи оказалось нависающим аркадой над бутонами лотоса.

Для мероитского декора на керамике характерна тяжеловесность и простота, использование толстых контурных линий. Все это напоминает египетскую манеру росписи стен храмов и гробниц. Наряду с этим встречаются образцы с более изящной росписью, в которой многие специалисты видят эллинистическое и римское влияние на мероитскую культуру, выраженное не столько в точном копировании античных образцов, сколько в синкретическом сочетании египетских сюжетов и эллинистической художественной манеры⁷.

Художественные традиции, заложенные мастерами Мeroитского царства, не исчезли с его падением в середине IV в. до н.э., а послужили основой для создания многочисленных образцов керамики христианского периода на территории Судана – царств Алва, Нобатия и Макурия [Adams, 1962, p. 245–288]. Эта керамика, украшенная как разнообразными геометрическими орнаментами, так и христианской символикой, имеет многие черты сходства с классическими мероитскими изделиями.

СЕМАНТИКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЕКОРА НА МЕРОИТСКОЙ КЕРАМИКЕ

Большинство исследователей, имевших дело с мероитскими памятниками, склонялись к мысли о бесспорном египетском воздействии на древнесуданскую цивилизацию, начиная с 3-го тыс. до н.э. [Adams, 1973, p. 10; Baud, 2010, p. 76–81; Fisher et al., 2012, p. 78–117]. Являясь южным соседом Египта, Мероз (как и нубийские царства-предшественники – Керма и Напата) действительно испытывало колоссальное влияние со стороны Египта во всех областях жизни – от политического и социального устройства, письменности и языка до религии, материальной и художественной культуры. Это было обусловлено, с одной стороны, более медленным развитием нубийского общества и государства по сравнению с северным соседом, с другой – наличием природных ресурсов, остро необходимых египтянам.

Однако при рассмотрении феномена мероитской керамики сложно найти прямые заимствования из египетского гончарства, потому что древнеегипетская керамика фараоновского времени орнаментировалась достаточно редко.

Если в эпоху египетской додинастики многие сосуды декорировались различными узорами, призванными прежде всего имитировать структуру различных пород камня, или покрывались изображениями растений, животных, людей и лодок, то с наступлением династической эры в Египте все эти приемы исчезли. В периоды Раннего и Древнего царств расписной декор вообще не применялся. Со вступлением в эпоху Среднего царст-

⁶ Известно некоторое число примеров подобных древнеегипетских анфасных изображений, например фреска с изображением танцев из фиванской гробницы Небамуна (XVIII династия), в настоящее время находящаяся в коллекции Британского музея.

⁷ В данной статье я специально не касаюсь этой стороны мероитского искусства, занимающей особое место в изучении межкультурных связей. Подробнее об эллинистическом влиянии на керамику Мероз см.: [Bąkowska-Czerner, 2015, p. 65–76; Nowotnick, 2016, p. 399–414].

ва изредка использовался прочерченный по влажной глине геометрический орнамент, чаще всего в виде полос, волн и зигзагов, но без красочного пигмента. С эпохи Нового царства в моду входят рельефные керамические изделия, оттиснутые в форме, но не расписанные [Arnold, Bourriau, 1993, p. 88–101].

На сравнительно короткое время – при XVIII–XX династиях в столичной области появляется малочисленная группа сосудов – так называемая керамика с голубой росписью, именуемая «дворцовой», производимая в царских мастерских Фив, Ахетатона, Мемфиса, а затем и Пер-Рамсеса. Роспись наносилась до обжига с применением редкого и затратного по добыче голубого пигмента – алюмината кобальта, небольшие залежи которого имеются в удаленных оазисах Ливийской пустыни Дахла и Харга, откуда он доставлялся в долину Нила царскими экспедициями [Норе, 1989, p. 7–9, 51]. Преобладал растительный орнамент (особенно – лепестки голубого лотоса), а несколько реже – зооморфные, антропоморфные, геометрические и символические мотивы, выполненные в египетской профильной манере, свойственной также для настенной живописи и папирусной графики. Кроме голубого пигмента, доминировавшего в росписи, присутствовали черный и красный цвета, иногда – желтый; все они использовались для контуров и полос.

Параллельно с керамикой с голубой росписью в Египте появилась группа гончарных изделий с полихромной росписью. Она также не получила широкого распространения, просуществовав до XXV–XXVI династии [Норе, 1989, p. 9–10]. Ее назначение ограничивалось погребальными нуждами, что было обусловлено, по всей видимости, нестойкостью росписи, наносимой после обжига.

С середины I-го тыс. до н.э. доля расписной гончарной утвари в Египте увеличилась, а манера декора имела греческое происхождение, однако этот стиль (называемый “lotus-flower and crosslined-band style” [Arnold, Bourriau, 1993, p. 100]) господствовал в египетской керамике одновременно со сложением мероитского стиля, оказывая на него сравнительно небольшое влияние.

Классическому мероитскому декору наиболее близка по стилю египетская керамика с голубой и полихромной росписью Нового царства. Ее образцы в небольшом количестве найдены на территории Нубии [Shortland, Норе, Tite, 2006, p. 93; Ruffieux, 2016, p. 512], в основном при раскопках храмов и дворцов от 1-го до 3-го порогов Нила, служивших резиденциями египетской царской администрации после присоединения Нубии к Египту в результате завоевательных походов фараонов XVIII династии. По всей видимости, идея расписывать керамику сложными сюжетами могла возникнуть именно тогда, поскольку для местных археологических культур (прежде всего Кермы), чье развитие было прервано египетским завоеванием Нубии, не была свойственна расписная керамика.

В равной степени идея мероитов декорировать керамику подобным образом могла восходить к египетским фаянсовым изделиям, активно ввозившимся в Нубию с XVIII династии и позже – в Напатское время (VIII – первая половина VI в. до н.э.), и наряду с египетскими бронзовыми зеркалами ставшим популярными предметами в захоронениях знати⁸. В тот же период в Нубии началось активное изготовление собственных изделий из фаянса, получивших широкое распространение и в Меровитскую эпоху. Прототипами для напатской и мероитской фаянсовой малой пластики послужили египетские образцы. Изображения богов и их инсигний, царских регалий, защитных символов имеют чисто египетскую форму⁹. Однако, как заметил У.Ю. Адамс, искать истоки декора

⁸ См., например, расписные фаянсовые сосуды из некрополя в Солебе времени правления Тутмоса III [Giorgini, 1961, 182, tav. XXV], а также фаянсовые блюда с лотосом и богом Бесом из некрополей Кадрус и Дебейра [Säve-Söderbergh, 1963, p. 57, pl. VIII].

⁹ См.: [Edwards, 1998, p. 67, fig. 3.3; Kormysheva, Idriss, 2006, p. 43–45, 47–49, 53–55, 96–97, 186–187, 196–197, 272, №5–8, 12–14, 20–21, 72, 176, 195, 284; Baud, 2010, p. 118–120, fig. 153, 155–156].

мероитской керамики у египетских керамических и фаянсовых изделий Нового царства достаточно наивно, так как между ними и мероитской декорированной керамикой «прошло много столетий». «В равной степени можно предположить, что художественным стимулом для декора на мероитской керамике могло послужить оформление египетских храмов, переживавших расцвет в эпоху Птолемеев – как раз во время становления мероитского стиля» [Adams, 1964, p. 170].

Среди сюжетов, использованных для оформления египетских храмов III–I вв. до н.э., имеется достаточное количество тех, что были повторены мероитскими мастерами в храмовом декоре (например, процессии богов, жертвенные сцены, сцены победы над врагами, заросли нильских растений¹⁰). Детали некоторых из них имеют явные параллели в орнаментации керамики царства Мероэ и могли послужить художественной основой для ее украшения. Так, фриз с узором *хекер* или кобрами-*урейми*, являясь классическим элементом оформления древнеегипетских храмов или гробниц¹¹, встречается и в храмах царства Мероэ (например, в Аулибе [Hintze, 1959, p. 176; Sander, 2015, p. 312, fig. 10]). Узел-*са* можно видеть в росписях и рельефном декоре дворцово-храмовых комплексов столицы – Мероэ, в том числе в так называемых царских банях [Baud, 2010, p. 65, 98, fig. 62, 115].

Иначе обстоит дело с техникой декорирования керамики штампами. Она не была свойственна египетскому гончарству и появилась там лишь под влиянием греков, а затем римлян: чаши со штампами-пальметтами вошли в обиход в Египте с IV в. до н.э. [Ballet, 2011, p. 191]. А для тонкой римской *terra sigillata*, которую стали имитировать и в провинциях Римской империи (включая Проконсульскую Африку, Киренаику, Египет, Иудею, Сирию и Киликию), использование штампов было еще более частым. Как логично предположили исследователи, передача таких технологий в Мероэ должна была идти через Птолемеевский и Римский Египет [Zach, 1988, S. 143–144; David, Evina, 2016, p. 111]. Однако, несмотря на все вышесказанное, знаки, воспроизводимые мероитскими штампами, в корне отличались от тех, что использовались на античной керамике (головы Горгоны, сатиров, фигуры Геракла, листья плюща и т.д.). Они имели в основе либо геометрические мотивы, либо символы «фараоновского происхождения» [Baud, 2010, p. 107–109], во многом находящие параллели в египетской иероглифической письменности. То же можно сказать и о расписном декоре на мероитской керамике, где доминирует символическая составляющая.

Что касается свастики, то связать ее появление на мероитской керамике с Египтом довольно трудно. Хотя свастика известна в археологических культурах Месопотамии с эпохи неолита, в Египте она изредка встречается лишь в виде грубо процарапанных меток на керамических сосудах 2-го тыс. до н.э.¹², а в иероглифике этот символ не нашел отражения. Используемая на мероитской керамике в качестве орнамента-штампа свастика имеет две разновидности – традиционную (на чаше из Селиба [Bagińska, 2015, p. 257, fig. 1d], *рис. 2* (SLB 3/08)) и меандрическую (на чаше из Абу Эртейлы, *рис. 1* (09/AE/sur41)). Вторая разновидность встречается в мозаичных орнаментах римских вилл как метрополии, так и провинций, в частности на территории современных Греции,

¹⁰ Изображение цветков и бутонов лотосов, весьма схожее с росписями на мероитской керамике, присутствуют на храмовых рельефах, например в храме Льва в Мусаварат эс-Суфре [Baud 2010, p. 81, fig. 84–85].

¹¹ Например, в комплексе царя Джосера в Саккаре времени III династии или в гробнице царицы Нефертари в Долине царей в Фивах, XIX династия [Maher Taha, 2001, p. 106–107, 114, 116].

¹² Хотя У.М.Ф. Питри допускал иноземное происхождение сосудов с такими знаками [Petrie, 1890, p. 43, pl. XXVII (141–142); Petrie, 1891, p. 11, pl. XV], в настоящее время имеется достаточно примеров египетских сосудов с метками в форме свастики [Spencer, 1993, p. 68, pl. 111 (9.1.1); Gallorini, 1998, I, p. 123 (a.2.13); II, p. 10–11 (№ 42–43), 69 (№ 224), 116 (№ 344)]. Для маркировки керамики свастика использовалась и мероитами [Dunham, 1965, p. 144–145, pl. VI.9, IX.B8, C7, C8].

Кипра и Туниса¹³. Скорее всего этот знак был заимствован мероитами у римлян, что не удивительно, так как влияние римской культуры прослеживается и по другим памятникам материальной и художественной культуры, особенно на территории столицы царства, где в ходе археологических работ обнаружены так называемые царские бани, возведенные и декорированные по римскому образцу. Примечательно, что изображение свастики присутствует в верхней части росписи погребальной стелы из Каранога (II–III вв. н.э.), где женская фигура облачена в юбку [Wenig, 1978, p. 205–206, cat. 127].

Основная масса знаков египетского происхождения, использованных для декорирования мероитской керамики, связана с возрождением и вечной жизнью (*анх*, цветы и бутоны лотоса) [Manniche, 1989, p. 127–129], восстановлением жизненных сил (цветочная розетка¹⁴), молодостью (четырёхлепестковое соцветие [Gardiner, 1957, p. 484 (M 42)]), плодородием (лягушка – символ египетской богини плодородия, влаги и достатка Хекет), защитой (узел-*са*, кобра-*урей*, глаз-*уджат*), благополучным существованием в загробном мире (прямоугольный жертвенник), царской и божественной символикой (фигуры или инсигнии египетских богов, например, солнечный диск на полумесяце символизировал плавание солнечного бога в барке по небосводу, короны *атеф*, *хену* и *хемхем*). Некоторые из символов, такие как лотосы и фигуры лягушек, имели аллюзии на животворящие воды Нила [Török, 1987, p. 81; Ciampini, Bąkowska-Czerner, 2014, p. 698; Bąkowska-Czerner, 2015, p. 72].

Однако нельзя сказать, что мероитские мастера слепо копировали египетскую символику. Многие знаки были несколько видоизменены, что особенно заметно по египетскому символу жизни *анх*, который в мероитском искусстве приобрел заметно расширяющиеся к концам ветви, а к концу мероитской эпохи уже мало походил на египетский прототип, скорее напоминая человеческую фигуру в широком балахоне (рис. 5, AE12/II-2/13, 23). На некоторых сосудах можно видеть достаточно вольное вписывание знаков египетской иероглифики в имеющийся сюжет. Например, на чаше из Габати побег заканчивается не цветочными бутонами, а знаками-*анх* (рис. 4.б); а на кубке из коллекции Национального музея в Хартуме символы-*анх* стилизованы под бутоны лотосов [Kormysheva, Idriss, 2006, p. 275–276, № 289, pl. 15]. Таким образом, роспись на керамике, имея египетские прототипы, все же отличается, показывая, что мероитские мастера переосмысливали известные им египетские памятники и создавали самобытные изделия, в которых египетская символика узнаваема, но чаще всего отлична от египетских образов.

На основе египетской символики мероитские художники смогли выработать собственную систему изображений, что особенно заметно по иконографии чисто мероитского львиноголового бога Апедемака¹⁵, покровителя царя, занимавшего одно из главных мест в пантеоне царства Мероэ (например, в храмах Наги и Мусавварат эс-Суфры [Hintze, 1971, Taf. 25; Baud, 2010, p. 194–196]). Анфасное изображение головы Апедемака в окружении опавших цветков лотоса и уреев с солнечными дисками на головах можно видеть на шарообразном кувшине из Фараса (рис. 4.3) [Bourgiau, 1981, p. 105, fig. 209], в виде штампа на чаше из Селиба (с присущей этому богу сложнопрофилированной египетской

короной-*хемхем* [Cedro, 2016, p. 382, fig. 25H]), и на фаянсовых амулетах [Baud, 2010, p. 96, fig. 111].

¹³ Например, мозаичные полы с изображением меандрической свастики можно видеть в римской вилле в Спарте [Бидерманн, 1996, с. 236], на территории бани (“Les termes des amours pêcheur”) в римском городе Утина (северный Тунис) и в вилле Диониса в Пафосе (Кипр).

¹⁴ В Древнем Египте цветочная розетка являлась символом некоторых богов (например, богини счета Сешат) и царя, особенно в связи с царским *хем-седом*, празднование которого знаменовало восстановление духовных и физических сил правителя [Michaux-Colombot, 2015, p. 286].

¹⁵ Подробнее см. [Кормышева, 2000, с. 195–197].

Еще большую свободу демонстрировали мероитские мастера в сложных композициях, включающих фигуры животных. С одной стороны, построение изображения, контурная манера, профильная постановка и цветовая гамма имеют явные параллели с египетскими памятниками – гробничными росписями, рисунками на остраконах и папирусах¹⁶. С другой стороны, мотивы с африканской фауной часто показывают прекрасное знание мастерами окружающего мира, что выразилось в точной передаче характерных черт живых существ, как, например, на чаше из Седеинги (II в. н.э.) [Baud, 2010, p. 108, fig. 127] с изображением цесарок, близко передающих внешний вид *Numida meleagris*, известной в Риме как «фараонова курица».

На мероитской керамике присутствует многократное совмещение фауны и символической тематики: например, изображения кобр-уреев с солнечными дисками, означающих бога Амона, и со знаками-анх у носа (рис. 4.2); ибисов или лягушек, держащих в лапах растения, заканчивающиеся знаком-анх, как на кувшине из Седеинги [Kormysheva, Idriss, 2006, p. 265–266, № 274, pl. 15]. В последнем случае здесь можно видеть зашифрованное изображение воды как силы, дающей жизнь всему сущему.

На некоторых сосудах показаны мифические существа – грифоны, крылатые кобры-уреи. Изображения первых (на сосуде из Фараса) достаточно условны, лаконичны, статичны и плоски, не имеют греческих черт и перемежаются цветочными бутонами египетского стиля. На другой чаше из Седеинги можно видеть уреев с простертыми вперед крыльями в обрамлении знаков-анх. По мнению исследователей, «такая композиция символизирует идею воскрешения и защиты в потустороннем мире» [Kormysheva, Idriss, 2006, p. 265, № 274, pl. 15]. Аналогичная постановка крыльев присуща египетским богиням – Исиде, Маат, Сехмет, Нут¹⁷, которые заняли определенное место и в мероитском пантеоне. Их изображения встречаются в поминальных часовнях царских пирамид Бегравии, например крылатые богини Маат и Исида, защищающие царя Аркамани I, царицу Шанадахете, а также бога Осириса на троне [Baud, 2010, p. 68, 70, 254–255, fig. 64, 67, 339–342]. Заметное место образ крылатых богинь имеет в мероитской малой пластике [Kormysheva, Idriss, 2006, p. 45, 47–49, 53–55, № 8, 12–14, 20–21] и ювелирных изделиях, в частности на золотых браслетах царицы Аманишакето [Baud, 2010, p. 139–141, fig. 187, 191]. Использование для орнаментации гончарных изделий подобных мотивов, связанных с царской и религиозной сферами жизни Мероэ, показывает, что подобные изделия играли важную роль в ритуальной практике и погребальных обрядах и вряд ли были простой столовой утварью.

Некоторые мероитские сосуды были украшены сложными динамичными сюжетами, например процессии животных со скачущей во главе гиеной или львица, терзающая нубийца, – на шарообразном кувшине из некрополя знати в Фарасе (рис. 4.8) [Baud, 2010, p. 185, fig. 235]. Последнее имеет множество коннотаций с египетскими сюжетами, заимствованными и мероитами [Sackho-Autissier, 2010, p. 182–185], когда в сценах изображения царских побед присутствует лев, терзающий пленных. Наличие сосудов с подобными изображениями, так же как и других предметов с царской символикой в гробницах знати в Мероитской области, в Фарасе и Караноге, не может быть случайным и должно указывать на косвенное участие царя в жизни мероитского привилегированного сословия.

¹⁶ Например, росписи фиванских гробниц эпохи Нового царства, рисунки на Туринском сатирическом папирусе, египетские остраконы из Дейр эль-Медины с изображением людей и животных [Houlihan, 1995, p. 65, 72, 86, 214, fig. 48, 53, 62, 150, pl. XV, XXIV; Жарсайо, Коннор, 2017, с. 249–251, № 175–177].

¹⁷ См., например, изображения крылатых Маат и Нут в фиванской гробнице царицы Нефертари (QV 66, XIX династия) [Maher Taha, 2001, p. 98–99, 115]; Маат на рельефе в фиванской гробнице фараона Сиптаха (KV 47, XIX династия); Исиды в ее храме на острове Филе (Птолемеевский период).

Отдельное место в декоре мероитской керамики занимают так называемые дионисийские сюжеты – изображения танцующих и играющих на музыкальных инструментах сатиров или нубийцев, виноградных гроздей, амфор с вином, в частности, на кубке из Мероз (рис. 4.1) и шарообразном кувшине из Каранога [Baud, 2010, p. 206–207, fig. 272–273]. По всей видимости, синкретический культ Осириса-Диониса, пришедший из Птолемеевского Египта, стал популярным в Мероитском царстве и, по мнению Л. Торока, был связан с погребальными празднествами [Török, 1987, p. 86–87]. Характерно, что эллинистические ритуалы изображены на мероитской керамике в египетской манере: контурные фигуры статичны, повернуты преимущественно в профиль, и, как отмечалось выше, попытки применить иной ракурс человеческих фигур достаточно наивны. Все это имеет явное сходство с египетским построением изображений. Культурный синкретизм, выразившийся в одновременном использовании в декоре одного сосуда статично-контурной египетской и тонкой эллинистической манеры, также имеет место в мероитской керамике. Например, шарообразный кувшин из Кермы (II в. н.э.) [Baud, 2010, p. 83–84, fig. 91] украшен изображением вереницы крокодилов в египетском стиле, а ниже – изящно извивающейся лозой с виноградными гроздьями в эллинистическом стиле.

На некоторых сосудах Позднемероитского времени (II–III вв. н.э.) с изображением африканской фауны и флоры наблюдается полное отсутствие какой-либо египетской символики (рис. 4.7). Найденные в некрополях Фараса и Каранога сосуды [Bourguia, 1981, p. 106–107] могли быть специально изготовлены для погребальных целей.

В Позднемероитский период стали популярными изображения метелок сорго (или дурры) – важной для суданского региона сельскохозяйственной культуры (особенно на сосудах из некрополя в Бербере, в районе 5-го порога Нила [Bashir, 2014, p. 806–807, pl. 3–5]). Характерно, что в отсутствие египетских прототипов для изображения сорго на многих образцах мероитской керамики мы видим весьма близкое к природе воспроизведение этого растения. Наряду с ним имело место и его символическое изображение, по манере схожее с мероитскими изображениями папируса и лотоса (на сосудах из Мусаварат эс-Суфры [Edwards, 1999, p. 26, pl. IX (№ 825, 835), XIII (№ 921, 923)], Балланы и Каранога [Fisher et al., 2012, p. 206–208, pl. 144, 146]). По предположению исследователей, именно сорго (а не пшеница или ячмень) занимало важное место в рационе питания мероитов и в отправлении храмовых и погребальных ритуалов, о чем говорит изображение мероитских правителей с этим злаком [Bashir, David, 2011, p. 127]. Таким образом, постепенное (но неполное) исчезновение египетской символики с керамики Позднемероитского времени означает закономерное развитие древнесуданского общества в условиях обветшания централизованного государства, основанного при значительном участии северного соседа, но постепенно утратившего влияние на Мероз.

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ МЕРОИТСКОЙ ДЕКОРИРОВАННОЙ КЕРАМИКИ

Обнаружение декорированной керамики преимущественно в некрополях Мероитского царства привело к тому, что большинство исследователей предполагали, что эти предметы предназначались для погребения [Török, 1987, p. 75–106]. Присутствие египетской сакральной символики, дионисийских сюжетов, связанных с культом Осириса-Диониса как владыки загробного мира, способствовало таким предположениям и привязке данной керамики к погребальным празднествам [Török, 1987, p. 86–87; Baud, 2010, p. 206]. Господство в декоре египетской символики, преимущественно связанной с воскрешением и вечной жизнью, до сих пор заставляет отдельных исследователей вписывать эти предметы в погребальный контекст [Bashir, David, 2011, p. 127; Bashir, 2014, p. 806; Ciampini, Bąkowska-Czerner, 2014, p. 698–700; Bąkowska-Czerner, 2015, p. 67]. Понятно, что такие выво-

ды продиктованы характером имеющихся вещественных источников, прежде всего хорошей сохранностью керамики в непо потревоженных погребениях и доминированием исследований в некрополях над изучением поселений, где вещевые комплексы обычно представлены сильно фрагментированными предметами. Однако активизация археологических исследований мероитских поселений и храмовых комплексов в последние 20 лет предоставила новые сведения о бытовании мероитской декорированной керамики, которой теперь уже не отводится всецело роль погребальной утвари [David, Evina, 2015, p. 53].

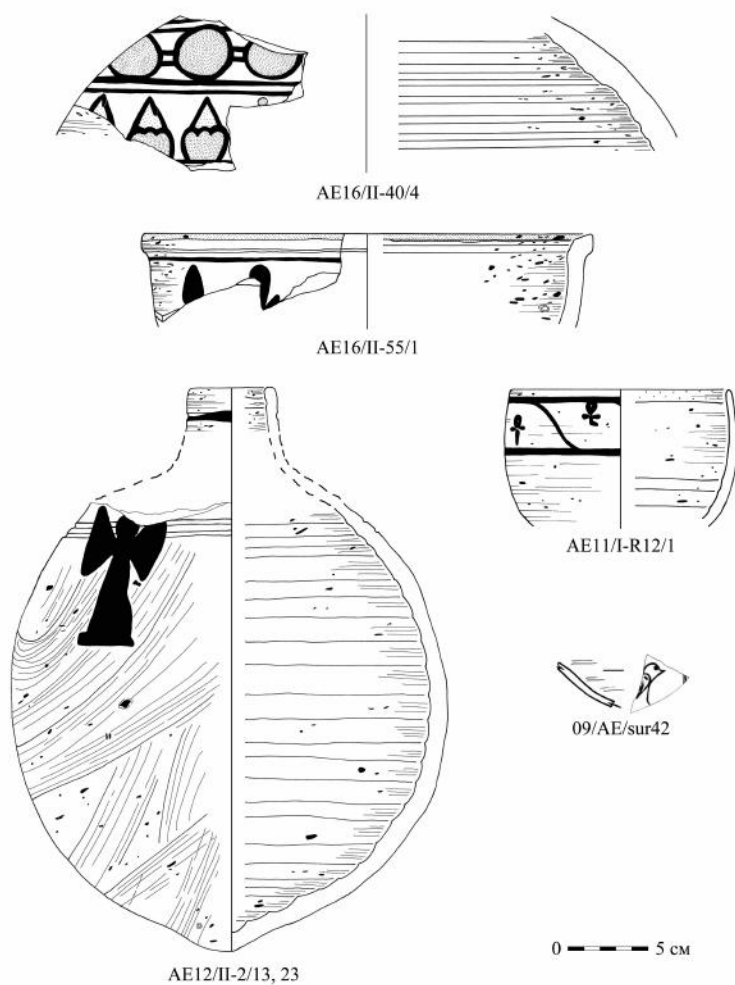

Рис. 5. Мeroитская расписная керамика из храмового комплекса в Абу Эртеиле (рис. автора)

Исследования Российско-итальянской археологической экспедиции храмового комплекса в Абу Эртеиле, включавшего и жилые постройки, подтверждает, что мероитская декорированная керамика использовалась и на поселениях (рис. 1, 5). Однако какие функции она могла выполнять? Можно ли было использовать в быту, например для приготовления или принятия пищи, сосуды с религиозной и царской символикой, с изображениями богов? На этот вопрос скорее следует ответить отрицательно. Обилие в храмо-

вых помещениях и жилых постройках предметов религиозного культа (скульптурных изображений львов из песчаника и фаянса, фаянсовой подвески в виде сидящей богини Бастет и др.) наряду с зернотерками и грубой керамической тарой со следами приготовления пищи свидетельствует о том, что религия глубоко проникла в жизнь мероитов, по крайней мере служителей храмов. Помимо рядовых предметов их окружали особые вещи, в том числе изящные гончарные декорированные изделия, использовавшиеся, по всей видимости, в отправлении храмовых ритуалов. Тогда логично, что и после смерти мероиты стремились сопроводить покойного подобными вещами, считая, что они (или изображения и символы на них) помогут умершему достичь благополучия в загробном мире, избежать опасностей и воскреснуть для вечной жизни.

Немаловажным является и тот факт, что не все египетские знаки, встречаемые на мероитской керамике, можно связать с загробным миром. Выше говорилось, что наиболее часто для ornamentации сосудов использовался символ жизни *анх*, символы плодородия и животворящих вод Нила (лягушка и лотос) – т.е. знаки, соотносимые прежде с благополучным существованием на этом свете, а не с посмертным состоянием. Так и изображения дионисийских ритуалов, фигуры танцующих сатиров скорее могут не столько иметь погребальное значение, сколько свидетельствовать о существовании в Мероэ культа плодородия. С этих же позиций можно рассматривать и изображение на керамике сорго – растения, ставшего главной зерновой культурой региона Мероэ во II–III вв. н.э. и не утратившего свои позиции до настоящего времени. Орнаменты с сорго на чашах и кувшинах из некрополя Бербер говорят о том же. Они свидетельствуют не только об использовании этой культуры в «ритуальной практике и важной роли сорго в местных верованиях и традициях», как предполагали М. Башир и Р. Дэвид [Bashir, David, 2011, p. 127]. В них также можно видеть символ достатка и плодородия, необходимых и живым. Это, с одной стороны, вполне соответствовало и египетским воззрениям, имевшим огромное влияние на формирование мероитских представлений об окружающей природе и загробном мире. С другой стороны, обитатели верховий Нила сумели сохранить своеобразие и особенности своей культуры и донести их до нас.

Итак, несмотря на отчетливую связь мероитской художественной культуры в целом и гончарного дела в частности с древнеегипетской культурой, обращение к египетским образцам не было их точным копированием. Меровитские мастера брали египетские формы и символику лишь за основу, переосмысливая ее в пределах местных традиций. Они смогли создать особый стиль керамики, используя не только египетскую базу, но и, не в меньшей степени, достижения своих нубийских предков, а также некоторые черты эллинистической и римской культур. Все это привело к сложению самобытного декоративного стиля гончарных изделий и созданию особой узнаваемой группы мероитской керамики, занимающей отдельную нишу в мировой художественной культуре.

Меровитские гончары, явно знакомые с памятниками Египта и античности, восприняли от них различные черты и в результате явили миру совершенно особый сплав художественных идей, воплотившийся в декоре керамики Мероэ. В нем, с одной стороны, узнаются египетские или эллинистические сюжеты, технические приемы и керамические формы, характерные для керамики Позднего и Птолемеевского Египта, античных Греции и Рима. С другой стороны, изделия получились самобытными и узнаваемыми, ярко иллюстрирующими материальную и художественную культуру Меровитской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бидерманн Г. *Энциклопедия символов*. М.: Республика, 1996 [Biedermann H. *Knaurs Lexicon der Symbole*. München: Droemer Knaur, 1989 (Russian Translation 1996)].

Жарсайо К., Коннор С. (сост.) *Нефертари и Долина цариц. Из Египетского музея в Турине. Каталог выставки*. С-Пб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017 [Jarsaillon C., Connor S. (comp.) *Nefertari and the Valley of Queens. From the Museo Egizio, Turin. Exhibition Catalogue*. Saint Petersburg: State Heritage Museum Publishing, 2017 (in Russian)].

Кормышева Э.Е. *Мир богов Мероэ*. М.—СПб.: Летний сад, 2000 [Kormysheva E.E. *World of the Gods of Meroe*. Moscow–Saint Petersburg: Letniy sad, 2000 (in Russian)].

Кормышева Э.Е., Малых С.Е., Фантусати Э. Абу Эртейла: новый административный центр империи Мероэ (Северный Судан). *Восток (Oriens)*. 2014. № 2. С. 121–141 [Kormysheva E.E., Malykh S.E., Fantusati E. Abu Erteila – A New Administrative Centre of the Meroitic Empire. *Vostok (Oriens)*, 2014. No. 2. Pp. 121–141 (in Russian)].

Малых С.Е. Позднемероитская керамика Абу Эртейлы: проблема существования локальных гончарных центров в округе Мероэ. *Восток (Oriens)*. 2017. № 5. С. 26–36 [Malykh S.E. Late Meroitic Ceramics of Abu Erteila: The Problem of Existence of Local Pottery Workshop in the Meroe Region. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 5. Pp. 26–36 (in Russian)].

Adams W.Y. An Introductory Classification of Christian Nubian Pottery. *Kush*. 1962. Vol. X. Pp. 245–288.

Adams W.Y. An Introductory Classification of Meroitic Pottery. *Kush*. 1964. Vol. XII. Pp. 126–173.

Adams W.Y. Progress Report on Nubian Pottery. 1. The Native Wares. *Kush*. 1973. Vol. XV. Pp. 1–50.

Almagro M., Presedo F., Pellicer M. Preliminary Report of the Spanish Excavations in the Sudan, 1961–1962. *Kush*. 1963. Vol. XI. Pp. 175–195.

Arnold D. (ed.) *Meisterwerke Altägyptischer Keramik. 5000 Jahre Kunst und Kunsthandwerk aus Ton und Fayence. Katalog*. Westerwald: Montabaur, 1978.

Arnold D., Bourriau J. (eds.) *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern, 1993.

Bagińska D. The Meroitic pottery from Selib. Zach M.H. (ed.) *The Kushite world: Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies*. Vienna, 1–4 September 2008. Beiträge zur Sudanforschung, Beiheft 9. Vienna: Citypress, 2015. Pp. 455–464.

Bąkowska-Czerner G. Meroitic pottery from Napata. The Hellenistic Influence. P. Kousoulis, N. Lazaridis (eds.). *Proceedings of the Tenth International Congress of Egyptologists, University of the Aegean, Rhodes, 22–29 May 2008*. Vol. II. Orientalia Lovaniensia Analecta, 241. Leuven: Peeters, 2015. Pp. 65–76.

Ballet P. Les ateliers hellénistiques de Bouto (Tell el-Fara'in) et le «décor surpeint» (Overpainted). Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S. (eds.) *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven–Paris–Walpole: Peeters, 2011. Pp. 189–200.

Bashir M.S. The archaeological material from the Meroitic cemetery at Berber. Anderson J.R., Welsby D.A. (eds.) *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*. Leuven–Paris–Walpole: Peeters, 2014. Pp. 805–808.

Bashir M.S., David R. Meroitic Pottery from Excavations of the Cemetery at Berber. *Der antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2011. Heft 22. Pp. 121–128.

Baud M. (ed.) *Méroé. Un empire sur le Nil*. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010.

Bourriau J. *Umm El-Gaâb. Pottery from the Nile Valley before the Arab Conques: Catalogue*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Brass M., Schwenniger J.-L. Jebel Moya (Sudan): new dates from a mortuary complex at the southern Meroitic frontier. *Azania: Archaeological Research in Africa*. 2013. Pp. 1–18.

Cedro A. Pottery from Selib: Preliminary Report (2013/2014 and 2014/2015 Seasons). *Polish Archaeology in the Mediterranean: Reports*. 2016. Vol. 25. Pp. 370–385.

Chittick H.N. Two Neolithic Sites near Khartoum. *Kush*. 1955. Vol. III. Pp. 75–81.

Ciampini E.M., Bąkowska-Czerner G. Meroitic kingship and water: the case of Napata (B2200). Anderson J.R., Welsby D.A. (eds.). *The Fourth Cataract and Beyond: Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*. Leuven–Paris–Walpole: Peeters, 2014. Pp. 695–701.

Crawford O., Addison F. *Abu Geili, Saqadi and Dar el Mek: The Wellcome Excavations in the Sudan*. Oxford: Oxford University Press, 1951.

David R., Evina M. Introduction à l'évolution des chaînes opératoires des céramiques méroïtiques. *Journal of Nubian Studies*. 2016. Vol. 3. Pp. 83–126.

- David R., Evina M. La fine ware méroïtique. Marqueur d'une civilisation. *Égypte, Afrique et Orient*. 2015. Vol. 78. Pp. 49–56.
- Dittrich A. Meroitische und spätkeroitische Keramik aus Hamadab. *Der antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2003. Heft 14. Pp. 77–91.
- Dunham D. A Collection of 'Pot-Marks' from Kush and Nubia. *Kush*. 1965. Vol. XIII. Pp. 131–147.
- Dunham D. The Royal Cemeteries of Kush, V: The West and South Cemeteries at Meroe. *Boston: Museum of Fine Arts*, 1963.
- Edwards D.N. Early Meroitic Pottery and the creation of an early imperial culture? Lohwasser A., Wolf P. (Hrsg.) *Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V. Sonderheft* 2014. Berlin, 2014. Pp. 51–63.
- Edwards D.N. *Gabati: A Meroitic, post-Meroitic and medieval cemetery in central Sudan*. Vol. 1. Oxford: Archaeopress, 1998.
- Edwards D.N. *Musawwarat es Sufra III: A Meroitic Pottery Workshop at Musawwarat es Sufra. Meroitica* 17.2. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.
- El-Tayeb M. *Funerary traditions in Nubian Early Makuria*. African Reports. Vol. 9 (2nd Edition). Monograph Series 1. Gdańsk: Gdańsk Archaeological Museum, 2013.
- Fernández V.M. Early Meroitic in Northern Sudan: The assessment of a Nubian archaeological culture. *Aula Orientalis*. 1984. Vol. 2. Pp. 43–84.
- Fisher M.M., Lacovara P., Ikram S., D'Auria S. (eds.) *Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile*. Cairo–New York: American University in Cairo Press, 2012.
- Fitzenreiter M., Seiler A., Gerullat I. *Musawwarat es Sufra II. Die kleine Anlage. Meroitica* 17.1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.
- Gallorini C. *Incised Marks on Pottery and Other Objects from Kahun: Systems of Communication in Egypt during the Late Middle Kingdom* (PhD dissertation). London: University College London, 1998.
- Gardiner A.H. *Egyptian Grammar* (3rd Ed.). London: Oxford University Press, 1957.
- Garstang J. *Meroë. The city of the Ethiopians: being an account of a first season's excavations on the site, 1909–1910*. Oxford: Clarendon Press, 1911.
- Geus F. Two Seasons in Sai Island (1996–1997). *Kush*. 2003. Vol. XVIII. Pp. 61–79.
- Giorgini M.S. Soleb. Campagna 1959–1960. *Kush*. 1961. Vol. IX. Pp. 182–197.
- Gratien B. Les pot de cuisson nubiens et les bols décorés de la première moitié du II millénaire avant J.-C. Problèmes d'identification. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2000. Vol. 6. Pp. 113–148.
- Hintze F. *Musawwarat es Sufra I, 2. Der Löwentempel. Tafelband*. Berlin: Humboldt-Universität, 1971.
- Hintze F. *Musawwarat es-Sufra I, 1. Der Löwentempel. Textband*. Berlin: Humboldt-Universität, 1993.
- Hintze F. Preliminary Report of the Butana Expedition 1958 made by the Institute for Egyptology of the Humboldt University, Berlin. *Kush*. 1959. Vol. VII. Pp. 171–196.
- Hofmann H., Tomandl H. *Unbekanntes Meroe. Beiträge zur Sudanforschung*. Beiheft 1. Wien–Mödling: Citypress, 1986.
- Hope C. *Pottery of Egyptian New Kingdom: Three Studies*. Melbourne: Victoria College Press, 1989.
- Houlihan P.F. *The Animal World of the Pharaohs*. Cairo: American University in Cairo Press, 1995.
- Kormysheva E., Idriss H.H. *Gods and Divine Symbols of the Ancient Sudanese Civilization. Catalogue of the Sudan National Museum in Khartoum*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2006.
- Maher Taha M. *Nefertari. The Most Beautiful of Them*. Cairo: Prism Publications, 2001.
- Manniche L. *An Ancient Egyptian Herbal*. Austin: University of Texas Press, 1989.
- Michaux-Colombot D. The Rosette in Nubian Cultures. Zach M.H. (ed.) *The Kushite world: Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*. Vienna: Citypress, 2015. Pp. 279–297.
- Nowotnick U. Hellenistic Influence on Ceramics from Meroe and Hamadab (Sudan). Japp S., Kögler P. (eds.) *Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods*. Wien: Phoibos Verlag, 2016. Pp. 399–414.
- Otto K.-H. Shiqadud. A New Khartoum Neolithic Site outside the Nile Valley. *Kush*. 1963. Vol. XI. Pp. 108–115.
- Petrie W.M.F. *Illahun, Kahun and Gurob*. London: David Nutt, 1891.
- Petrie W.M.F. *Kahun, Gurob and Hawara*. London: Kegan Paul, Trench, Trübner, and Co., 1890.

Phillips J. An Overview of the Ceramics. Żurawski B. and al. *Nubia II: Southern Dongola Reach Survey 1: Survey and Excavations between Old Dongola and Ez-Zuma*. Varsovie: Neriton, 2003. Pp. 458–462.

Robertson J.H., Hill E.M. The Meroitic Pottery Industry. Shinnie P.L., Anderson J.R. (eds) *Meroitica 20. The Capital of Kush. Meroë Excavations 1973–1984*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. Pp. 109–212.

Ruffieux P. Pottery of the 18th Dynasty at Dukki Gel (Kerma): Classical Repertoire and Local Style. Bader B., Knoblauch K.M., Köhler E.C. (eds) *Vienna 2 – Ancient Egyptian Ceramics in the 21st Century. Proceedings of the International Conference held in the University of Vienna, 14th–18th of May, 2012*. Leuven – Paris – Bristol: Peeters, 2016. Pp. 507–525.

Sackho-Autissier A. Le thème de l'ennemi vaincu dans l'art méroïtique. Baud M. (ed.) *Méroé. Un empire sur le Nil*. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010. P. 202–207.

Sander A. Sandstone Reliefs and other Architectural Details Revealed in the Awlib Temple Complex in 2003: a Preliminary Analysis. Zach M.H. (ed.) *The Kushite world: Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*. Vienna: Citypress, 2015. Pp. 307–317.

Säve-Söderbergh T. Preliminary Report of the Scandinavian Joint Expedition. Archaeological Investigations between Faras and Gemai. November 1961 – March 1962. *Kush*. 1963. Vol. XI. Pp. 47–69.

Shortland A.J., Hope C.A., Tite M.S. Cobalt blue painted pottery from 18th dynasty Egypt. Maggetti M., Messiga B. (eds.) *Geomaterials in Cultural Heritage. Geological Society Special Publication no. 257*. London: Geological Society, 2006. Pp. 91–99.

Spencer A.J. *Excavations at el-Ashmunein: III: The Town*. London: British Museum Publications, 1993.

Török L. Meroitic Painted Pottery: Problems of Chronology and Style. *Beiträge zur Sudanforschung*. 1987. Heft 2. S. 75–106.

Vercoutter J. Semna South Fort and the Records of Nile Levels at Kumma. *Kush*. 1966. Vol. XIV. Pp. 125–164.

Wenig S. *Africa in Antiquity: The Arts of Ancient Nubia and the Sudan II: The Catalogue*. Brooklyn: Falcon Press, 1978.

Wenig S. *Meroitic Painted Ceramic. Meroitica 5*. Berlin: Akademie-Verlag, 1979.

Williams B.B. *Meroitic remains from Qustul cemetery Q, Ballana cemetery B, and a Ballana settlement I*. Chicago: Oriental Institute, 1991.

Wolf P., Nowotnick U. Hamadab – A Meroitic Urban Settlement, Excavations 2001–2003. *Archeologie du Nil Moyen*. 2006. Vol. 10. Pp. 257–272.

Wolf P., Nowotnick U., Hof C. The Meroitic urban town of Hamadab in 2010. Anderson J.R., Welsby D.A. (eds.) *The Fourth Cataract and Beyond: Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*. Leuven–Paris–Walpole: Peeters, 2014. Pp. 719–737.

Wolf S., Wolf P., Onasch H.-U., Hof C., Nowotnick U. Meroe and Hamadab – Stadtstrukturen und Lebensformen im afrikanischen Reich von Kush. *Archäologischer Anzeiger*. 2011. Heft 2. S. 213–245.

Wolf S., Wolf P., Onasch H.-U., Hof C., Nowotnick U. Zwei Städte im Mittleren Niltal in den Jahrhunderten um die Zeitenwende. Bericht über die Arbeiten zwischen 1999 und 2007. *Archäologische Anzeiger*. 2008. Heft 2. S. 157–230.

Zach M. Bemerkungen zu einigen Meroitischen Keramikfragmenten mit stempeldekorierten Staatlichen Sammlung Ägyptischer Kunst in München. *Beiträge zur Sudanforschung*. 1989. Heft 4. S. 179–183.

Zach M. Die Gestempelte Meroitische Keramik. *Beiträge zur Sudanforschung*. 1988. Heft 3. S. 121–150.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЛЫХ Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Svetlana E. MALYKH – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.